

УДК 81'25

DOI: 10.21779/2542-0313-2022-37-3-79–84

О.А. Москаленко, М.И. Панасенко

Хронотоп революционной России в произведении Ч. Мьевиля «Октябрь» и его переводе на русский язык

*ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»; Россия, 299053,
г. Севастополь, ул. Университетская, 33; kerulen@bk.ru*

В статье рассматривается функционирование пространства и времени в произведении историко-публицистического жанра. На материале текста британского писателя Ч. Мьевиля «Октябрь» и его перевода на русский язык исследуется художественный потенциал категории хронотопа в контексте исторического дискурса. В статье проводится анализ некоторых лингвостилистических особенностей жанра исторической публицистики. Определяется взаимосвязь художественного начала произведения, его образной структуры, выраженной при помощи пространственно-временных маркеров, и фактической основы, предполагающей отсутствие вымысла. Основным методом исследования служит сопоставительный анализ оригинала и перевода, благодаря которому выделены сходства и различия в восприятии категории пространства и времени автором и переводчиком. Особое внимание уделяется трудностям обратного обмена культурным опытом, который требует выработки соответствующих переводческих стратегий, направленных на сохранение авторского идиостиля с учетом специфики языковой картины мира русскоязычных читателей.

Ключевые слова: *хронотоп, художественный образ, пространственно-временные отношения, историческая публицистика, Россия, Великобритания.*

Постановка проблемы

Введение в научный оборот произведения «Октябрь» современного британского писателя Ч. Мьевиля, известного прежде всего своими работами в жанре фантастики, обусловлено интересом читателей русскоязычного пространства к осмыслению истории России зарубежными авторами: взаимное узнавание через литературу британцев и русских продолжается, ведь в историческом багаже двух стран – непрерывная имперская конкуренция на международной арене [3, с. 216; 5]. Особенно важно максимально сохранить художественное своеобразие произведения при переводе, передать авторский идиостиль.

Цель статьи – охарактеризовать образ Российской империи в произведении Ч. Мьевиля «Октябрь». Перевод на русский язык был выполнен в 2017 году А. Мовчан, В. Федюшиным и Т. Беляковой. Образы города и империи, которые стали предметом данного исследования, неразрывно связаны с рассмотрением категорий времени и пространства. На них опирается сюжет многих художественных произведений, но в публицистической литературе на историческую тему они берут своё начало в реальном мире, хотя и могут видоизменяться под влиянием авторского начала.

Результаты исследования

Ч. Мьевиль – современный британский писатель, известный прежде всего как фантаст, и книга о русской революции стоит особняком в его творчестве [9]. Вопреки четко обозначенной хронологии и географии исторических событий, «Октябрь» Мьевиля не имеет конкретных временных и пространственных рамок. Первая глава посвящена истокам политических и социальных преобразований империи, касается ключевых эпизодов истории России до XX века, имеющих прямую или косвенную связь с последующим крахом. География описанных событий широка: от упоминаний дальних мест ссылок и эмиграции отдельных революционеров до освещения революции в самых восточных и западных точках Российской империи. Наиболее наглядно автор продемонстрировал художественную составляющую своего видения 1917 г. в способах описания и характеристики революции. Ее образ является ключевым для раскрытия пространственно-временных отношений. Следовательно, возникает связь между образом революции и хронотопом, который выступает как компонент данного образа, центрального в произведении «Октябрь». Исследователи уже обращались к изучению хронотопа произведений Мьевиля [6; 7; 8], однако пока не предпринимались попытки проанализировать его в реалистическом тексте, основанном на документах.

Революция затрагивала абсолютно все слои общества, каждый уголок империи, города и дворцы. Мьевиль использует широкий набор возможностей художественной литературы, доступной ему в работе с историческим документом, и расставляет необходимые акценты. Работая над отдельным эпизодом, автор может брать за его основу исторические источники любого вида – от официальных документов до личных писем и мемуаров. Так, при описании Кровавого воскресенья в Петербурге 1905 г. автор не только приводит исторические факты, но и передает настроение народных масс, их ощущение времени и восприятие пространства. В повествование о том трагическом дне вводятся пространственно-временные маркеры: дата, приблизительное время и место действия (место слияния Невы и Малой Невы у Зимнего дворца). *Sunday 9 January: protesters gather in the freezing pre-dawn darkness* [10]. – «Наступило воскресенье, 9 января, в морозной предрассветной мгле собрались демонстранты» [4, с. 35]; *Deep water, frozen solid* [10]. – «Реки были скованы льдом» [4, с. 35]. В тексте оригинала вышеупомянутые маркеры вводятся способом, характерным для публицистического жанра. Время и место выделяются синтаксически, что создает эффект зарисовки событий, их раскадровки. Автору было важно подчеркнуть, что благодаря замерзшей реке перед демонстрантами открылась возможность беспрепятственно попасть на противоположный берег к Зимнему дворцу. Картинка замирает, поскольку из главных членов предложения остаются только подлежащие, подчеркивающие статичность. В переводе такой эффект теряется, особенно во втором примере, где появляется сказуемое. Однако переводчик добивается некоторой компенсации путем конкретизации времени суток. Семантика слова *darkness* не эквивалентна его контекстуальному синониму «мгла», поскольку не несет серовато-желтого цвета, который представляет себе русскоязычный читатель. Поэтому в данном случае временной аспект более ярко выражен в русском переводе.

Категории пространства и времени в художественно-документальном произведении в руках автора – инструмент с очень широким набором возможностей. Время описываемого события может приобрести символический, образный смысл, переходя на уровень субъективного восприятия [1, с. 29]. В историко-публицистических текстах, в отличие от сугубо документальных, допускается смешение обеих категорий. Преобладание одной из них определяется не жанром, а в первую очередь автором. В произве-

дение «Октябрь» заметна высокая степень художественности, присущая категории времени. Мьевиль сочетает когнитивную информацию (точное время, дату) с информацией эмоциональной и эстетической. Их появление в тексте – не авторская вольность и отступление от законов жанра, а тщательная обработка информации из множества исторических источников.

Темпы распространения революции в совокупности с ее географией занимают важное место во временном аспекте произведения. С помощью обособления автор подчеркивает хаотичный принцип такого распространения, адекватно воспроизведенный в оригинале: *The strikes continued, sporadic, into February* [10]. – «То там, то здесь забастовки продолжались весь февраль» [4, с. 69]. Образное видение революционных процессов прослеживается и далее в форме сравнения с мозаикой: *The revolution, and the soviet form, spread in patchwork but accelerating fashion* [10]. – «Революция и её советская форма распространялась по территории страны мозаично, но всё более стремительно» [4, с. 141]. В обоих языках достигается поверхностное, лишенное конкретики представление читателей о принципе, за счет которого революция достигала провинции с опозданием и крайне неравномерно, но подчеркивается хаотичное освоение, перестроение имперского хронотопа.

Резкое противопоставление описываемых событий также позволяет более остро ощутить эмоции непосредственных свидетелей происходящего, создать эффект присутствия: *The room rang with their declarations... In the sedate surroundings of the palace...* [10]. – «Комната сотрясалась от их заявлений. В чинной обстановке дворца...» [4, с. 252]. Два параллельных мира – мир глазами царя и мир глазами революционеров – демонстрировали совершенно взаимоисключающие восприятия реальности. Этот контраст возможен благодаря антитезе. Высокопарный слог (*sedate* – чинный) для описания нежелания царя подчиниться новой реальности особенно ярко контрастирует с энергичным заседанием партий. Самодержавие оказывается застывшим, закостенелым, вялым и инерционным конструктом, в то время как новая форма власти достигает в своем развитии беспрецедентных темпов, опережает естественный ход истории.

Особенно объемным хронотоп становится в следующем отрывке: *The mass of delegates talked for a long time under the harsh glare of the lamps, as the hands of the clocks reached slowly skyward. They discussed Kamenev's proposal as August ended and September began, and they continued to discuss it as the world turned towards a new day* [10]. – «Под резким сиянием ламп масса делегатов совещалась, пока стрелки часов не уткнулись в потолок. Они обсуждали предложение Каменева, когда заканчивался август и начинался сентябрь, и продолжили делать это с наступлением нового дня» [4, с. 342]. Кабинет, где заседали делегаты, каким бы просторным и внушительным он ни был в действительности, намеренно сужается автором, теряет конкретные форму и размеры. Единственными деталями интерьера становятся лампы и настенные часы. Верная передача избирательного образа – основная цель переводчика. В данном отрывке время обретает разнородную структуру. Объект (стрелки часов) выступает в качестве центрального элемента хронотопа «порог» [2]. На значимость этой встречи для российской истории указывают «стрелки часов, уткнувшиеся в потолок» – *the hands of the clocks reached slowly skyward*. В оригинале этот образ гиперболизирован, подчеркивает важность момента. Кроме того, в тексте присутствует порог нового времени года и нового дня, переход между ними, акцент на который Мьевиль делает на протяжении всего произведения.

Тема апокалипсиса становится в «Октябре» одним из самых ярких хронотопических элементов. Она помогает сделать образ революции и краха империи более рельефным.

ефным, тем самым позволяя читателю почувствовать всю значимость исторического события. Возникновение апокалиптического мотива в произведении объясняется стремлением Мьевиля заострить внимание читателя на весомости момента, остром ощущении неизбежного конца, разрушения существующего порядка и неизвестности, сопровождающих новый исторический этап. Выразительные средства становятся для Мьевиля ключевым инструментом в сопоставлении нестабильного состояния империи на 1917 г. и восприятия его обществом.

В следующем примере высказывание Горького о плачевном состоянии революционного Петербурга сопровождается не менее мрачной и безрадостной отсылкой к всеобщему восприятию реальности: *This is no longer a capital, 'wrote Gorky, amid a sense of slow apocalypse* [10]. – «Это больше не столица, – писал Горький в атмосфере вялотекущего конца света...» [4, с. 244]. Переводчик отходит от буквализма и вместо «медленного апокалипсиса» предлагает значительно более удачный, образный эпитет *вялотекущий*, а для *apocalypse* использует вариант конец света, стилистически более нейтральный и в то же время избавляющий русский текст от тяжелого для восприятия слова с греческим корнем, которое к тому же вызывает ряд ассоциаций с современной культурой.

Более распространенным мотивом «Октября» можно назвать мотив разрушения, катастрофы, тоже связанный с семами конца времен, перестройки хронотопа, но в его пространственном измерении. *Febrile symptoms of collapse* [10]. – «Это были симптомы мощной катастрофы» [4, с. 235]. Здесь наблюдается метафорический перенос признаков лихорадки, предшествующих серьезной болезни, на ход революции. Из двух компонентов образа – эпитета *febrile* и *symptoms* в его переносном значении – переводчиком было принято решение оставить только второй компонент. Однако эпитет появляется перед катастрофой, позволяя судить о том, что в сознании русскоязычного читателя все же возникнет схожий образ, созданный Мьевилем. *It was lunchtime, and the Romanov dynasty was finished* [10]. – «Было время обеда; династия Романовых завершила своё существование» [4, с. 139]. Очевиден резкий контраст нейтрального маркера времени (обеда) с беспрецедентным для Российской империи событием – отречением царя: автор объединяет локальное время с историческим, микрокосм с макрокосмом. В оригинале присутствуют две схожие грамматические конструкции, выполняющие эмфатическую функцию для передачи данного контраста. В переводе параллелизм воспроизведен не был, однако в процессе прагматической адаптации связь этих частей подчеркивается синтаксически.

По всему тексту встречаются единичные сравнения революционных событий с театральным действием. Их главная функция – прагматическая, т. е. усиление производимого впечатления. Читателю, не понаслышке знакомому с жанром комедии, легче ассоциировать себя со свидетелями того или иного исторического события. Поскольку Мьевиль пишет для иностранного читателя, для которого Российская империя кажется далекой и диковинной, подобные художественные сопоставления становятся некими путеводными маяками, ориентирами в чужой культуре и менталитете. Театральность происходящего подчеркивается при помощи таких лексических единиц, как *scene* и *vivid*. *The connection broke, ending the most epochal talking-at-cross-purposes in history* [10]. – «Связь прервалась. Завершилась самая эпохальная сцена взаимного недопонимания в истории» [4, с. 320]. *Talk at cross-purposes* означает «говорить на разных языках, не понимать друг друга». Данное выражение сопровождается эпитетом *epochal*, демонстрирующим беспрецедентность такого рода события. В переводе не сохранилась подчинительная связь частей предложения оригинала, что позволило переводчику вне-

сти дополнительный элемент образа «сцена», также имплицитно присутствующий в английском тексте. Революционные события сравниваются с театром: *In one particularly unedifying moment of theatre, Albert Thomas, addressing a crowd from a balcony, supplemented the French-language exhortations few understood with a ludicrous charade, like a mime at a children's party* [10]. – «Однажды разыгралась поистине театральная сцена, когда Альбер Тома, обращаясь к толпе с балкона, пытался сопровождать свои малопонятные увещевания на французском нелепыми жестами, словно мим на детском празднике» [4, с. 195]. Сема *teatr* перешла в перевод, поэтому можно говорить о целостности исходного образа в переводе. Однако была утеряна характеристика театра, вложенная Мьевилем в определение *unedifying* в значении «отвратительный», «безнравственный». В результате процесса адъективации *teatr* перешел в класс прилагательных, став определением *театральный*, переносное значение которого – *неестественный, искусственный, показной*. Опускание лексической единицы в общем контексте не разрушило образ.

Характером, схожим с образом театра, обладает и карнавальная тема «Октября». Она появляется в тексте дважды и значительно дополняет революционный образ России. Отсылает автор к теме напрямую, однако использует для этого разные лексические средства. *Such enthusiastic bedlam might seem a nightmare, or a strange, faltering carnival, depending on one's perspective* [10]. – «Такой восторженный хаос мог показаться кошмарным (или странным) карнавалом» [4, с. 150]. Карнавал ассоциируется с хаосом и неразберихой, сопровождавших конфликты противоборствующих сторон. Переводчик воспроизвел данный образ, однако внес некоторые изменения в определение карнавала. В оригинале он описывается как *faltering* (нерешительный, неуверенный) – такая характеристика в переводе стала избыточной, поскольку определение *странный* уже несло в себе необходимую сему для объяснения его специфического характера.

Заключение

В произведении «Октябрь» Ч. Мьевиля документально обусловленные пространственно-временные маркеры вводятся в текст посредством умелого использования средств и приемов художественной выразительности, создавая таким образом уникальный хронотоп революционной России: исторически достоверный и в то же время актуализирующий британский миф о России. Хронотопический аспект произведения на историческую тему требует от переводчика четкого понимания причинно-следственных связей, исторического контекста и степени субъективности в описании событий и исторических личностей. Залог успешности перевода помимо прочего состоит в глубоко погружении переводчика в тему, всестороннем рассмотрении компонентов образа и оценке возможностей и целесообразности их полного или частичного воспроизведения в переводе.

Литература

1. Аюпова С.Б. Категория времени в языковой художественной картине мира (на материале прозы И.С. Тургенева). – Уфа: БГПУ имени М. Акмуллы, 2011. – 176 с. – Режим доступа: <https://e.lanbook.com/book/49553> (дата обращения: 26.05.2022).
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 234–407.
3. Москаленко О.А. Современная британская литература о России: перевод как средство (само)узнавания // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход; ма-

териалы V Международной научно-практической конференции (г. Симферополь, 29–30 апреля 2021 г.). – Симферополь: Ариал, 2021. – С. 215–220.

4. Мьевиль Ч. Октябрь / пер. с англ. А. Мовчан, В. Федюшиной, Т. Беляковой. – М.: Э, 2017. – 480 с.

5. Орлова О.Г. Американская публицистика XX–XXI вв. О России в категориях дискурс-анализа // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2014. № 1. – С. 46–50.

6. Ханова П. Темные города: темная экология и urban studies // Философско-литературный журнал «Логос». 2019. Т. 29, № 5 (132). – С. 71–86.

7. Barcon A., Sousa S. Ciudad, espacio y fantasia urbana en la obra narrativa de China Mieville // Variantes de la comunicación de vanguardia. – January, 2023. – Pp. 371–385.

8. Denisova D. Topographical and psychological dimension of the novel “The city and the city” by China Tom Mieville // Literary process: methodology, names, trends. – SumGU, 2018. – Pp. 71–75.

9. Gilbert G. “New” Histories of the Russian Revolution? // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2020. № 21. – Pp. 159–172.

10. Miéville Ch. October: the story of the Russian Revolution. – London; Brooklyn, N.Y.: Verso, 2017.

Поступила в редакцию 28 мая 2022 г.

UDC 81’25

DOI: 10.21779/2542-0313-2022-37-3-79–84

Chronotope of Revolutionary Russia in «October» by China Mieville and Its Translation into Russian

O.A. Moskalenko, M.I. Panasenko

*Sevastopol State University; Russia, 299053, Sevastopol, Universitetskaya st., 33;
kerulen@bk.ru*

The given research is devoted to the problem of realization of time and space relations in the work of historical nonfiction. The article based on the book of the British writer China Miéville «October» and its translation into Russian deals with the study of the category of chronotope and its artistic potential in the context of historical discourse. In this article the analysis of some linguistic and stylistic peculiarities of historical nonfiction is carried out. The interrelation of the fiction layer of the work, its imagery, expressed with the help of spatial and temporal markers and its documentary source, which assumes the absence of fiction, is determined. The main method of research is a comparative analysis of the original work and its translation, which highlighted the similarities and differences in the perception of the category of space and time by the author and translator. Particular attention is paid to the difficulties of the reverse exchange of cultural experience, which requires the adoption of appropriate translation strategies aimed at the preservation of the author's idiostyle, given the specifics of the linguistic worldview of Russian-speaking readers.

Keywords: *chronotope, imagery, time and space relations, historical nonfiction, Russia, Great Britain.*

Received 28 May 2022